

〈№ 9. — Сентябрь 1859 года.〉

Дела Центральной Италии. — Реформы в Австрии. — Движение в пользу единства Германии.

12 сентября.

Два месяца тому назад значение трактата, заключенного в Виллафранке, казалось ясно для всех. С первого же взгляда на условия, принятые победоносным императором французов от побежденного австрийского императора *, каждый видел, что целью императора французов было явиться милостивым покровителем Австрии, спасителем ее от разрушителей, в добычу которым он мог предать ее, — каждый видел, что своею великодушною готовностью на мир, слишком выгодный для Австрии, он хотел приобрести себе дружбу этой державы, чтобы в дальнейших своих политических действиях опираться на тесный союз с нею. Это казалось ясно для всех. Но вот теперь многие возвращаются к мнению, совершенно было исчезнувшему из всех умов в первые дни после Виллафранкского мира, — к мнению, что целью войны со стороны императора французов не было простое желание заставить Австрию смириться перед его могуществом и быть послушною союзницею его. Многим из людей, думавших некогда, что война начата им для приобретения независимости итальянцам, снова представляется теперь, что Наполеон III действительно хотел и хочет быть покровителем итальянской независимости. Это новое колебание общественного мнения произведено неожиданным развитием дел в Центральной Италии. Оптимисты уверены теперь, что Тоскана, Модена и Парма успеют осуществить свое желание присоединиться к Пьемонту; они надеются даже, что подобное присоединение будет дозволено и римским легатствам, и таким образом возникнет в Северной Италии довольно могущественное государство, которое, имея около

* Теперь известно, что император французов не только предложил первый императору австрийскому заключить мир, но и простер свою снисходительность до того, что согласился принять те условия мира, которые были составлены австрийцами, нисколько не оскорбившись тем, что они два раза отвергли условия, предлагавшиеся им от него.

14.000.000 жителей, в состоянии будет служить самостоятельным и прочным оплотом Италии от иноземного господства. Не сомневаясь в таком исходе дела, оптимисты предполагают, что он не чужд намерениям императора французов, который, по их мнению, предвидел его при заключении Виллафранкского мира, содействовал потом под рукою развитию национального движения в Центральной Италии и, когда будет нужно, объявит себя защитником желаний Тосканы, Модены, Пармы и римских легатств против всякого вмешательства Австрии и каких бы то ни было других держав, не столь расположенных к упрочению итальянской независимости, как он, ее великодушный основатель.

Не находя до сих пор, что запутанные отношения, от которых зависит решение вопроса о судьбе Центральной Италии, достигли такого развития, чтобы можно было с достоверностью предвидеть исход дела, мы не отваживаемся утверждать, чтобы надежды оптимистов были основательны, и не беремся, подобно этим благородным людям, столько раз уже обманывавшимся, предсказывать будущее прекрасное и радостное. Мы решительно еще не знаем, чем кончится дело, и ограничимся пока только изложением фактов, не делая предвещаний о том, к чему приведут они. Но уже и теперь мы имеем доказательства тому, что некоторые из гипотез, внушающих светлые надежды оптимистам, совершенно неосновательны.

Во-первых, они полагают, что при заключении Виллафранкского мира император французов предвидел тот оборот, какой приняли теперь дела в Тоскане, Модене, Парме и легатствах. Такое мнение может основываться только на незнакомстве с положением этих стран около времени, когда был заключен мир. Было бы слишком долго припоминать историю движения во всех этих четырех областях до начала июля, и довольно будет обратить внимание читателя только на состояние, какое представляли тогда легатства и Тоскана: Модена и Парма так незначительны сами по себе, что ход дел в них совершенно зависел от опоры, какую могли находить они в легатствах и Тоскане.

Тоскана в конце апреля восстала с мыслью о едином итальянском государстве, в жертву которому хотела принести свою самостоятельность. Но с первого же раза Кавур принужден был отвергнуть ее просьбу о присоединении к Пьемонту; это поколебало в тосканцах мысль о том, что союзник, господствовавший над сардинскою политикою, дозволит Сардинии и Тоскане слиться в одно государство. Энтузиазм охладел с ослаблением надежды, и в Тоскане стал быстро воскресать партикуляризм, на время умолкавший перед порывом патриотизма. Многие обстоятельства, произведенные влиянием французской политики, содействовали оживлению этого старинного стремления сохранить свою самостоятельность. Укажем только на присылку в Тоскану принца Наполеона: его появление было принято за предвестие намерения

превратить западную часть Центральной Италии в отдельное королевство; укажем также на то, что правительственная власть над Тосканою была передана людям, оказавшимся представителями партикуляризма. Таким образом, в конце июня, около времени Сольферинской битвы, партия национального единства, желавшая присоединения к Пьемонту, была в Тоскане и устранена от влияния на дела, и убита духом. Надобно прибавить, что временное правительство отличалось отсутствием всякой энергии, не принимало никаких мер для образования силы, на которую могло бы опереться, если бы вздумало противиться иностранному влиянию, и даже допустило уже существовавшим войскам терять всякую энергию от праздности и распущенности. Тосканская армия расслабела, деморализировалась. Мало того: временное правительство даже отдало все свое войско в руки французов, которые увели его далеко за границы Тосканы. Обо всем этом мы подробно говорили много раз. Таким образом, во время заключения Виллафранкского мира Тоскана казалась доведенною до того, что не могла энергически потребовать присоединения к Пьемонту; напротив, казалось, что она очень рада будет сохранить свою отдельность, а во всяком случае, она была совершенно лишена всяких сил к сопротивлению иностранным приказаниям, оставшись решительно без всякого войска и имея такое правительство, которое лишено было способности к энергическим мерам. Каждый, знавший тогдашнее положение Тосканы, был уверен, что она безмолвно покорится судьбе, какая будет ей предписана волею других.

Еще меньше можно было рассчитывать на силу национальных стремлений в легатствах. Восстание там только еще начиналось; в начале июля оно еще лишено было всякого единства, всякой организации, представлялось только рядом слабых попыток, лишенных прочной связи между собою. Войск эти города решительно не имели тогда никаких. Пример Перуджии, которая не имела для своей защиты ни одного солдата и защитники которой нашли только 80 ружей для борьбы против папских наемников, — пример Перуджии слишком хорошо показывал, как велика сила сопротивления, которой располагали легатства в начале июля.

Словом сказать, вся Центральная Италия при заключении Виллафранкского мира представлялась странною, совершенно лишенною всяких залогов энергического сопротивления чужим предписаниям. В одних областях ее восстание еще не имело времени организовать, в других — было уже расслаблено влиянием политики, поддерживавшей партикуляризм и мешавшей развитию надежд на присоединение к Пьемонту. Нечего и говорить о том, что четыре области, которые по виллафранкским условиям должны были возвратиться к повиновению прежним правительствам, не успели еще установить никакой связи между собою: Парма, Модена, Тоскана, легатства — каждое из этих владений

оставалось предоставлено только собственным силам, не находилось еще ни в каком союзе с другими.

После этого человек положительный, каков император Франции, мог ли ожидать, чтобы области Центральной Италии выказали какую-нибудь самостоятельность, лишившись всякой посторонней опоры? Нет, он ожидал, что они, слишком хорошо сознавая свое бессилие, спокойно примут ту участь, которая была подготовлена для них Виллафранкским миром. Действительно, упрямство их представлялось безумством, невозможностью; нельзя было не ожидать, что низвергнутые правительства восстановятся без всякого затруднения. Самая форма, в которой выражено было согласие императора французов на это желание императора австрийского при составлении Виллафранкского трактата, свидетельствует об убеждении в легкости дела: трактат просто говорил: «великий герцог Тосканский и герцог Моденский возвращаются в свои владения», — тогда не считали нужным и определять средств, которыми должно быть произведено их возвращение: казалось, что оно совершится само собою, одною силою словесного распоряжения со стороны Франции и Австрии.

И положение дел в инсурректировавших странах, и легкость, с какою предполагали примиряющиеся императоры восстановить низвергнутые правительства, свидетельствуют об ошибочности той гипотезы оптимистов, по которой представляется, будто бы император французов при заключении виллафранкских условий предусматривал оборот, какой приняли после того дела Центральной Италии. После этого сама собою должна оказываться лишеною всякого основания и та гипотеза, по которой он будто бы хотел тогда быть защитником этих земель от иноземного вмешательства: Виллафранкский договор своим молчанием об этом вопросе слишком ясно показывает, что в то время об нем и не думали; казалось достаточным, что император французов повелевал инсурректировавшим областям возвратиться к повиновению: Тоскана, Модена, Парма были окружены французскими войсками; войска эти должны были проходить через них для своего возвращения во Францию; несколько дивизий должны были остановиться в них на довольно долгое время. Эти распоряжения, слишком хорошо показывавшие инсурректантам необходимость исполнить волю могущественного союзника, считались очень достаточными залогом беспрекословного восстановления низвергнутых провинций.

Мы излагаем факты, из которых с положительною достоверностью можно заключать о намерениях, какие имел император французов относительно Центральной Италии при заключении Виллафранкского мира, — можно видеть, что он не хотел тогда коварствовать относительно австрийского своего союзника, напротив, поступал с ним искренно и давал ему обещания добросове-

стно, имея в виду не обманывать его фальшивыми обязательствами, а действительно приобрести солидные права на его дружбу исполнением его желаний. Факты очевидно доказывают это; но есть доказательство, еще более прямое, это — собственное свидетельство императора французов, данное при таких обстоятельствах, которые отрицают всякую возможность заподозривать его искренность. Через два месяца по заключении Виллафранкского мира, когда стало очевидно, что без иноземного вооруженного вмешательства низвергнутые правительства Центральной Италии не могут быть восстановлены, когда итальянские и французские либералы стали утверждать, что император французов предвидел это и обманул Австрию, когда они, в своем либеральном увлечении забывая о правилах политической добросовестности, стали превозносить его за этот предполагаемый маккиавеллизм, — император французов торжественно отверг их похвалы и подробно объяснил, что поступал с Австриею искренно, как следует истинному другу. Статья об этом предмете, присланная лично им самим в «Монитор» (9 сентября и. ст.), не оставляет никакой возможности сомневаться в искренности его согласия на восстановление низвергнутых правительств при заключении Виллафранкского договора. Во-первых, как мы сказали, она отвергает похвалы, которыми его превозносили неосновательные люди, и, конечно, ничто, кроме потребности высказать истину, не могло бы заставить императора французов отказаться от славного ореола изумительной предусмотрительности и гениальной дипломатической ловкости, которым его начали было снова окружать либералы. Во-вторых, самое содержание торжественного объяснения своих тогдашних намерений, им обнародованное теперь, носит на себе печать внутренней несомненной достоверности: все в этом объяснении так естественно, так сообразно с известными публике фактами, что не видеть безусловной правдивости его может разве тот, кто не следил за подробностями событий, ознаменовавших собою заключение виллафранкских условий. Мы приведем вполне этот драгоценный документ, являющийся в наших глазах прекраснейшим примером редкой в дипломатических актах правдивости. Читатель, следивший за нашими прежними статьями, сам увидит, как прекрасно подтверждаются уверения императора Наполеона всеми фактами, какие сообщали мы прежде. Просим только читателя не забывать, что мы хвалим статью «Монитёра» собственно как изложение мыслей императора французов, а не как исторический рассказ о внешних фактах. Читатель знает, что на факты можно смотреть с различных точек зрения, и мы теперь говорим не о том, справедлива ли была точка зрения, с которой смотрел на них император французов, а только о том, что его точка зрения изложена в этой статье с необычайною искренностью. Мы пользуемся, с немногими исправлениями, переводом, который представлен «С.-Петербургскими ведомостями».

«Когда факты говорят сами за себя, то с первого взгляда кажется бесполезным объяснять их. Однако, если страсть или интрига искажают самые простые вещи, то бывает необходимо восстановить их характер, для того чтобы каждый мог с знанием дела оценить ход событий».

Уже это вступление предвещает, что хитросплетенные гипотезы либеральных оптимистов лишены всякого основания: «страсть или интрига искажают самые простые вещи» — итак, образ действий императора французов может быть верно объяснен только самым простым образом; а простейшее объяснение уже известно нашим читателям: императору Наполеону справедливо казалось, что дружба с Австриею более соответствует его политическим принципам и гораздо выгоднее для него, нежели дружба с графом Кавуром и тому подобными либералами, с мечтателями и революционерами; потому он заключил Виллафранкский мир, чтобы избавиться от союза с опасными либеральными принципами и приобрести дружбу государства, политические потребности которого сходны с его собственными.

«В минувшем июле, когда франко-сардинская и австрийская армии стояли одна против другой между Адидже и Минчио, вероятности успеха были с обеих сторон почти равны; ибо если на стороне франко-сардинской армии было нравственное влияние достигнутых успехов, то австрийская армия была сильнее в числительном отношении и опиралась не только на страшные крепости, но и на всю Германию, готовую по первому сигналу принять ее сторону. В случае, если бы такое предположение осуществилось, император Наполеон был бы вынужден отозвать войска свои с берегов Адидже и направить их к Рейну, а тогда итальянское дело, ради которого была предпринята война, если не погубило бы, то, по крайней мере, подверглось бы большой опасности».

Этот параграф, показывающий точку зрения, с которой император французов оправдывает вообще заключение Виллафранкского мира, не имеет особенной важности, потому что те же самые мысли были уже изложены им в речи, которою он отвечал в Сен-Клу на приветствия великих государственных учреждений. В прошлом месяце мы подробно разбирали степень фактической достоверности этого воззрения и не находим надобности повторять здесь то, о чем довольно обширно говорили еще так недавно; тем менее нужды в подобном повторении, что теперь нас занимают вовсе не факты, а только намерения императора французов относительно Центральной Италии, изложенные самим императором в следующих параграфах:

«В этих трудных обстоятельствах император признал выгодным, во-первых, для Франции, а во-вторых, и для Италии заключить мир, лишь бы только условия его были сообразны с программой, которую он себе предназначал, и полезны делу, которому он хотел служить».

Здесь для нас очень приятно видеть, что император Наполеон уже убедился, как мы предсказывали, в сообразности условий Виллафранкского мира с его программой. «Признал выгодным заключить мир, лишь бы только условия его были сообразны с программой» и т. д. — это выражение определительно, тут нет

оговорок об отступлении от программы, которые были в сен-клюдской речи; итак, теперь Наполеон, согласно с нашим предсказанием, сам увидел, что напрасны были сомнения относительно своей верности своим обещаниям, которые овладели было им в первые дни по заключении Виллафранкского мира под влиянием ропота со стороны либералов, — ропота, который мы тогда же называли совершенно неосновательным. Теперь, как мы видим, Наполеон III, успокоившись духом, согласился с графом Морни, что условия мира совершенно выполняют его программу и что ему не за что упрекать себя. Но далее начинается существенная часть объяснения, то есть изложение намерений самого автора статьи «Монитёра»:

«Прежде всего необходимо было знать, уступит ли Австрия, на основании трактата, завоеванную землю, а во-вторых, откажется ли она открыто от преобладания, приобретенного ею на всем полуострове, признает ли начало итальянской народности, допустив федеративную систему, наконец, согласится ли даровать Венецианской области учреждения, которые бы сделали из нее настоящую итальянскую провинцию.

«По первому пункту австрийский император уступил без сопротивления завоеванную землю, а по второму он обещал самые значительные уступки для Венецианской области, допустив при будущем ее устройстве положение Люксембурга в отношении к Германскому союзу, но неизменным условием этих уступок он признал возвращение в свои владения эрцгерцогов».

Итак, во-первых, при переговорах не было сделано даже и попытки требовать независимости для Венеции, — речь шла только о том, чтобы император австрийский изменил некоторые черты управления этою областью. Во-вторых, сам Наполеон III уподобляет итальянскую конфедерацию, которую хотел основать, Германскому союзу, — точно так мы и определяли характер этой идеи при получении первых известий о Виллафранкском мире.

«Итак, вопрос был определен в Виллафранке весьма ясно: или император не должен был ничего выговаривать для Венецианской области и ограничиться преимуществами, какие приобрел своим оружием, или, для достижения важных уступок и признания начала народности, он вынужден был согласиться на возвращение эрцгерцогов. Образ действий указывался ему здравым смыслом, ибо дело шло о возвращении эрцгерцогов не при содействии иностранных войск, а, напротив того, с серьезными гарантиями вследствие свободной воли населений, которым бы дали понять, как согласно это возвращение с интересами великой итальянской отчизны».

Таким образом, мы положительно видим из слов самого императора французов, что при заключении Виллафранкского мира он ожидал, что жители Тосканы и Модены беспрекословно примут своих прежних герцогов, без противоречия подчинятся согласному требованию Франции и Австрии. Тогда не предполагалось, чтобы эти области отважились готовиться к вооруженному сопротивлению; реставрация представлялась делом легким.

«Вот, в нескольких словах, точное изложение виллафранкских переговоров, и для всякого беспристрастного человека очевидно, что император Наполеон добился мирным трактатом того же и, быть может, больше[го], чем завоевал оружием».

Итак, император французов должен был ожидать, что Виллафранкский мир пробудит в итальянцах столько же, если еще не больше, восторга, сколько маджентская и сольферинская победы: в самом деле, ведь, по его мнению, «для всякого беспристрастного человека» должно было оказаться «очевидно», что виллафранкскими переговорами доставлено Италии столько же, если не больше, выгод, сколько и самыми победами.

«Должно сознаться притом, что император Наполеон не без глубокого сочувствия увидел, как откровенно и решительно император Франц-Иосиф отказался, в интересах европейского мира и из желания восстановить добрые сношения с Францией, не только от одной из лучших своих провинций, но и от опасной, быть может, но во всяком случае не лишней славы политики, обеспечивавшей за Австрией владычество в Италии».

Итак, прекращение австрийского преобладания в Италии представлялось императору французов не следствием необходимости, не неизбежным результатом поражений, которым подверглись австрийские армии, не целью войны, а просто следствием великодушной уступчивости австрийского императора. Действительно, по этому и предшествующим параграфам, условия Виллафранкского договора являются не как неминуемые последствия исторических фактов, а просто как результаты дружелюбного расположения австрийского и французского императоров, которые из любезности друг к другу соглашались на взаимные приятные одолжения: «Вам было бы приятно, чтобы я согласился на восстановление великого герцога Моденского», — говорит Наполеон III Францу-Иосифу: — «извольте, для вас я готов сделать это». — «Вам было бы приятно передать Ломбардию королю сардинскому», — говорит Франц-Иосиф Наполеону III: — «извольте, для вас я готов на эту уступку; для вас я готов также заменить прежнюю австрийскую политику в Италии новою политикю доброжелательства».

«Действительно, если бы трактат был в точности исполнен, то Австрия переставала быть для полуострова враждебной и страшной державой, противодействующей всем народным стремлениям от Пармы до Рима и от Флоренции до Неаполя, а делалась, напротив того, державой дружественной, ибо она добровольно соглашалась не быть более германским государством по сторону Альпийских гор и самой развивать итальянскую народность до берегов Адриатического моря».

Итак, Италия не должна была после Виллафранкского трактата опасаться австрийского могущества — австрийцы в Италии обещались быть итальянцами; они хотели покровительствовать упорчению итальянской независимости. Условия Виллафранкского трактата совершенно изменяли натуру австрийцев, нужно было только исполниться этим условиям, и Италия имела бы в австрийцах самых полезных друзей и покровителей всем своим стремлениям.

«Судя по всему вышеизложенному, нетрудно понять, что если б после мира Италия была вверена людям, более занятым будущностью общей отчины, чем мелочными частными успехами, то целью их усилий было бы развивать, а не преграждать последствия Виллафранкского трактата. Действительно, самым простым и патриотическим образом действий было бы сказать Австрии: вы желаете возвращения эрцгерцогов? Хорошо; но в таком случае исполните добросовестно обещания ваши относительно Венецианской области: пусть она приобретет собственную жизнь, приобретет итальянское управление и итальянскую армию; одним словом, пусть австрийский император будет по сию сторону Альпийских гор только великим герцогом венецианским, как нидерландский король есть для Германии не что иное, как великий герцог люксембургский.

«Быть может даже, открытыми и дружественными переговорами удалось бы склонить императора австрийского принять комбинации, более сообразные с желаниями, какие выразили герцоства Моденское и Пармское.

«После всего случившегося император Наполеон должен был рассчитывать на здравомыслие и патриотизм Италии и думать, что она поймет побудительную причину его политики, выражающейся в следующих словах: «вместо того, чтобы рисковать европейской войной, а следовательно, и независимостью страны своей, вместо того, чтобы издержать еще 300 миллионов и пролить кровь 50.000 солдат своих, император Наполеон принял мир, который в первый раз в течение веков утверждает народность полуострова. Пьемонт, служащий в особенности представителем итальянского дела, получил значительное увеличение своего могущества, а если устроится итальянская конфедерация, то он будет играть в ней главную роль. Но все эти выгоды сопряжены с одним условием — возвратом в свои владения прежних владельцев домов».

Итак, итальянцы вообще виновны перед императором французов в неблагодарности. Италия, не оценившая по достоинству условий Виллафранкского мира, вообще показала недостаток «здравомыслия и патриотизма», а люди, действовавшие в центральных областях ее, в особенности обнаружили, что «мелочные частные успехи» для них дороже, нежели «будущность общей отчины». Итальянцы неблагодарны, неблагоразумны, непатриотичны и не хотят успехов делу единства и независимости своей родины.

«Этот язык, мы еще надеемся, будет понят в здравомыслящей частью нации. ибо иначе что случится? Французское правительство объявило уже, что эрцгерцоги не будут возвращены в свои владения иностранной силой; но так как одна часть условий Виллафранкского мира не будет исполнена, то император австрийский найдет себя освобожденным от всех обязательств, принятых им в отношении к Венецианской области. Тревожимый враждебными демонстрациями на правом берегу р. По, он останется в военном положении на левом, и вместо политики примирения и мира возродится политика недоверия и вражды, которая причинит новые волнения и новые бедствия».

Откровенные указания этого параграфа также не требуют длинных комментариев. Если тосканцы, моденцы и г. д. не восстановят добровольно своих правительств, они должны считаться губителями Венеции, которой император австрийский отомстит за их упрямство. Этого мало: он соберет против них свои войска и начнет войну с ними. Франция объявила, что низвергнутые правительства не будут восстановлены иностранной силой,

но она давала это обещание в предположении, что условия Виллафранкского мира будут исполнены жителями Центральной Италии (т. е. что они добровольно восстановят свои прежние правительства); а если они не исполнят их, то император австрийский, конечно, будет волен искать предлогов к войне против упрямцев.

«Повидимому, много надеются на европейский конгресс; мы сами горячо желаем его, но сильно сомневаемся в том, чтобы конгресс добился лучших для Италии условий. Конгресс потребует только того, что справедливо; а справедливо ли было бы требовать от великой державы важных уступок, не предлагая ей взамен того правомерных вознаграждений? Единственным средством была бы война; но да поймет это Италия: есть в Европе только одна держава, готовая вести войну *за идею*, — это Франция, а Франция свое дело уже исполнила».

Итак, ясно: Европа не может требовать от Австрии для Италии условий лучше тех, какие даны Виллафранкским миром, потому что это было бы несправедливо. Европа не может требовать, чтобы Австрия отступилась от своих требований, потому что эти требования справедливы, и если Австрия начнет с непокорной Италией войну, Италия не должна ожидать себе защиты от Франции.

Мы привели всю эту статью вполне, потому что каждому человеку со вкусом она должна очень понравиться откровенностью, с какой излагается в ней политика императора французов относительно Италии. Франция, по словам этого объяснения, сделала для Италии все, что могла; условия Виллафранкского мира были совершенно сообразны с программой, обещавшей «освободить Италию от Альп до Адриатического моря», и были чрезвычайно выгодны для Италии. Австрия становилась истинною доброжелательницею Италии, покровительницею независимости ее. Итальянцы обнаружили недостаток понятия и патриотизма, оставшись недовольны прекрасным Виллафранкским договором, и заслуживают названия неблагодарных людей. Сверх того, жители Центральной Италии провинились в измене своим собратам, венецианцам, не захотев им добра, своим эгоистическим упрямством лишив их благоденствий, какими готов был осыпать их австрийский император. Австрийский император в справедливом гневе на упрямство неблагодарных тосканцев, моденцев и пармезанцев должен будет наказать за их непокорство Венецию отнятием у нее своего милостивого расположения, а всю Италию смирить вооруженною рукою, и Франция, обиженная неблагодарностью итальянцев, признающая законность требований Австрии, не будет останавливать ее справедливого мщения.

Заслуживая величайшей похвалы за свою откровенность, статья «Монитёра» для нас вдвойне приятна тем, что вполне подтверждает наши прежние понятия о характере политики императора Наполеона III относительно Италии.

Что же теперь будет с Центральною Италиею? Ее судьба

зависит от степени энергии, которую выкажет она. С самого начала войны мы старались доказать, что Италия не должна для осуществления своих желаний рассчитывать ни на чьи силы, кроме своих собственных. Теперь, как видим, сам император французов подтверждает справедливость этого нашего взгляда, подвергавшегося столь многим порицаниям со стороны людей, которые принимали свои собственные желания и мечты за его намерения. Да, Италия должна рассчитывать только сама на себя и ни на кого больше. Посмотрим же, что сделали для осуществления своих желаний те области Италии, которые теперь пользуются самостоятельностью и на которых потому лежит ответственность за судьбу национальных стремлений.

Вопрос идет теперь, как мы знаем, ближайшим образом об участи Центральной Италии; потому и посмотрим сначала, что сделала она для приобретения и охранения желанной независимости.

В прошедший раз мы изложили первые действия временных правительств Центральной Италии после получения известий о Виллафранкском мире. Они объявили, что восстановление прежних правительств несогласно с желаниями тосканского, пармского, моденского и романского населения, которое хочет присоединения к Пьемонту, и в каждой из четырех областей были немедленно назначены выборы для составления национального собрания, которое дало бы законное выражение общему желанию. Выборы повсюду произведены были самым спокойным, достойным образом; депутатами повсюду были избраны самые почтенные люди; знатнейшие и богатейшие аристократы повсюду явились предводителями народа в выражении национального желания, и, например, в Тоскане целую половину всего числа депутатов составляли лица из титулованного дворянства. Поочередно открылись национальные собрания в Тоскане, Модене, Романье и Парме, и ход дел повсюду был совершенно одинаков¹: тотчас же по открытии совещаний кто-нибудь из самых знаменитых и уважаемых людей делал предложение о том, чтобы объявить низвергнутую династию низложенной волею нации; когда президент собрания спрашивал, кто поддерживает это предложение, вставали все члены собрания; прения о предложении не бывали продолжительны, — они кончались в одно заседание, и когда сосчитывались голоса, подаваемые посредством баллотировки, оказывалось, что предложение принято единодушно, всеми без исключения присутствующими членами: ни одного голоса не оказывалось противного общему национальному желанию. Потом делалось другое предложение: объявив низложенным прежнее правительство, область выражает желание присоединиться к Пьемонту, — и опять ход дела был прежний, и опять предложение принималось всеми депутатами единодушно, и после того национальному собранию оставалось только назначить чле-

нов депутации, которая должна явиться к «славному представителю идеи национального единства и независимости, Виктору-Эммануилу» и объявить ему, что страна, приславшая эту депутацию, хочет составить часть государства, признающего его своим государем.

Само собою разумеется, что все акты этой драмы — и выборы депутатов в национальное собрание, и открытие заседаний собрания, и решение собрания о низложении прежней династии, и решение его о присоединении к Пьемонту, и отправление депутации в Турин для сообщения Виктору-Эммануилу об этом решении — каждая из этих сцен происходила среди восторженного ликования всей массы того народа, который имел физическую возможность окружить своих депутатов, столь верно выполнивших его волю. Мы не рассказываем подробно ни этих сцен, ни совещаний национальных собраний, потому что при всей своей возвышенности эти эпизоды не имеют важного исторического значения. Либеральные газеты очень толкуют о них, как о бесспорных доказательствах сильного стремления итальянцев к национальному единству; но, по нашему мнению, существование такого простого, такого естественного чувства никогда не должно было подлежать сомнению, и те публицисты, которые нуждались в свидетельстве последних событий, чтобы уверовать в национальное чувство итальянцев, выказывали только свою крайнюю непроницательность своей прежней полемикой против людей, давно говоривших, что Италия готова забыть все прежние областные свои подразделения при первой возможности к соединению в одно государство. Если уже нужны доказательства на то, что какой-нибудь народ хочет быть одним целым, хочет избавиться от разрозненности, в которую повергло его иностранное насилие, то итальянцы представили эти доказательства еще в 1848 г., когда не только Центральная Италия, но и отдаленнейшие провинции Неаполитанского королевства волновались для вспоможения ломбардцам в борьбе с австрийцами. Непредвиденное, новое в решениях народа Центральной Италии о присоединении своем к Пьемонту только разве то впечатление, какое производят эти решения на так называемых умеренных либералов Европы: эти бедные люди не замечают, что Центральная Италия нынешним выражением своих желаний снова подтверждает теорию Маццини о том, что Италия хочет не просто свободы, а понимает невозможность свободы без основания одного могущественного национального государства, и что все итальянские области готовы пожертвовать своей самостоятельностью для основания такого государства. Нам кажется забавно, что публицисты, объявлявшие идеи Маццини безумными и гибельными, теперь восхищаются фактами, соответствующими теории Маццини и опровергающими мнение его противников о недостатке в итальянцах стремления к соединению в одно государство.

Итак, мы находим, что решения национальных собраний Центральной Италии не представляют решительно ничего нового в истории чувства итальянского единства. Не имея значения теоретической новизны, они еще меньше имеют практического значения. Что итальянцы хотят национального единства, это мы знали и без национальных собраний Тосканы, Романьи и т. д.; а будет ли их желание исполнено, по крайней мере, по отношению к Центральной Италии, или попрежнему останется только неосуществленным желанием, это зависит вовсе не от того, выражено ли национальное желание итальянцев и хорошим ли, законным ли, почетным ли образом выражено, — осуществление всех подобных вещей зависит от элементов совершенно иного рода. Нужна сила, которая могла бы привести в исполнение решения национальных собраний Центральной Италии, могла бы отстоять выраженное ими стремление против насилия могущественной державы, которую только физическая сила может остановить от низвержения всех временных правительств и национальных собраний Центральной Италии и от введения прежнего порядка вещей в этих областях. На какую же силу может рассчитывать Центральная Италия для осуществления своего национального стремления в противность желанию Австрии?

До последнего времени люди, руководящие итальянским движением, питают или, по крайней мере, высказывают уверенность, что Франция благоприятствует их желанию и не допустит Австрию совершить восстановление прежних правительств вооруженной рукой. Даже статья «Монитёра», переведенная нами, не заставила их отказаться от надежды на покровительство Франции. В самой Франции, в Германии, в Англии, повсюду объяснение «Монитёра» было понято в прямом и ясном своем смысле: император французов называет итальянцев неблагодарными, говорит, что избавлен их неблагодарностью от всяких обязанностей относительно Италии и не будет защищать ее против австрийцев. Итальянцам было угодно перетолковывать это положительное и очень ясное объявление в смысле, совершенно противном: они вздумали уверять себя, будто все содержание статьи «Монитёра» состоит в том, что Франция не допустит вооруженного вмешательства Австрии в итальянские дела. Каким образом они отыскали в «Монитёре» такое уверение, остается их тайной, и такое странное открытие окажется еще изумительнее, если мы припомним многочисленные факты, которыми обнаруживались истинные отношения Франции к Италии со времени Виллафранкского мира.

В прошедшем месяце мы уже говорили о посольстве графа Резе, который был отправлен императором французов в Пьемонт, в Тоскану и т. д. убеждать непокорных жителей Центральной Италии подчиниться определению Виллафранкского договора о восстановлении прежних их правительств. Мы знаем, что его по-

сольство не имело успеха. Тогда император французов отправил в Италию другого чрезвычайного посланника, графа Понятовского, который, подобно Резе, старался запугать итальянцев страхом австрийского вторжения и уверениями, что Наполеон III не найдет возможности в таком случае подать помощи итальянцам. Выставляя безрассудство мысли о сопротивлении австрийцам, опирающимся на одобрение Франции. Резе и Понятовский старались, с другой стороны, доказать итальянцам, что восстановление изгнанных династий не повлечет за собою никаких дурных последствий, не будет сопровождаться никакой реакцией, что, напротив того, возвращаемые владельцы будут отличаться чрезвычайным либерализмом и самой усердною преданностью к развитию итальянской национальности, введут в свои владения самые свободные учреждения и т. д. Красноречие посланников доходило до того, что они выставляли даже недостатки рекомендуемых ими герцогов верными ручательствами за то, что подданные их будут пользоваться чуть не республиканскою свободою. Так, например, тосканцам говорили, что для них вовсе не будет опасен Фердинанд IV, которому передал свои права бывший великий герцог Леопольд, отец его, отказавшийся от престола: молодой великий герцог, по словам Резе и Понятовского, думает только о пирушках, красавицах, картах и вовсе незнаком и не хочет знакомиться с государственными делами; таким образом, продолжали французские агенты, при нем Тоскана станет пользоваться совершенною свободою; занятый своими веселостями, он вовсе не станет вмешиваться в управление.

Посольство графов Резе и Понятовского показывает, как добросовестно старался император французов о выполнении той статьи Виллафранкского мира, по которой согласился на восстановление эрцгерцогов. Не менее ясным свидетельством уверенности австрийцев в добром его расположении служили цюрихские конференции, столь знаменательно завершившиеся поездкой князя Меттерниха (сын покойного всемогущего министра) для личного соглашения с Наполеоном III.

Надобно начать с того, что самое возникновение цюрихских конференций было следствием доброжелательной готовности императора французов делать все возможное в угоду австрийцам. Читатель знает, что в Виллафранке был заключен не окончательный, подробный трактат, а только предварительный мирный договор, ограничивавшийся лишь самыми общими определениями основных условий мира. Притом и этот предварительный трактат был подписан только Австриею и Франциею: Сардиния не подписывала его, оставаясь только в перемирии с австрийцами. Для заключения окончательного мирного трактата, в котором участвовала бы и Сардиния, необходимы были новые переговоры; они могли происходить в форме конференций исключительно только между тремя державами, воевавшими между собой; но

можно было также составить конгресс, в котором участвовали бы все европейские державы.

Повидимому, естественнее всего было бы выбрать форму общего европейского конгресса. Виллафранкский мир, передавая Ломбардию от Австрии Пьемонту, изменял одно из главных постановлений Венского конгресса, потому дипломатический обычай требовал, чтобы на совещание об этой уступке были приглашены все державы, участвовавшие в составлении Венского трактата. Кроме этой формальной причины, была и существенная надобность в приглашении всех первостепенных европейских держав к участию в переговорах: перемена столь важная, как переход большой и богатой области от одной державы к другой, при нынешнем состоянии европейской дипломатики нуждается в согласии всех держав, имеющих сильное влияние на дела нашей части света. Но Австрия не хотела европейского конгресса: отчасти потому, что опасалась от него некоторых изменений в условиях Виллафранкского мира в невыгодном для нее смысле, отчасти потому, что вовсе не хотела упрочения этих условий, каковы бы ни были они, ручательством всех европейских держав. Действительно, Наполеон III говорил совершенную истину, объявляя, что дал императору австрийскому мир на условиях более выгодных для Австрии, чем те условия, какие предлагались державами, готовившимися принять на себя посредничество между Австриею и Франциею. Надобно было ожидать, что и на конгрессе некоторые державы будут менее, нежели Франция, благоприятствовать сохранению австрийского могущества в Италии. Об Англии положительно было известно, что она будет стараться изменить виллафранкские условия так, чтобы независимость Италии была хоть сколько-нибудь ограждена. Естественно, что австрийцы уже по одной этой причине опасались конгресса. Еще важнее была другая причина, по которой они отклоняли его. Если уступка ломбардских земель Пьемонту будет утверждена согласием всех европейских держав, Австрия восстанет против себя все эти державы, когда вздумает возвратить себе Ломбардию; а она почти открыто признается, что имеет эту цель и хочет воспользоваться первым случаем для отнятия у Пьемонта приобретенной им области; потому для нее очень полезно устроить дело так, чтобы переход Ломбардии к Пьемонту был утвержден согласием только одной Франции: тогда и для оправдания своих будущих попыток завоевать Ломбардию Австрия нуждалась бы в согласии на то одной только Франции, имела бы право отвечать на протест каждой иной державы против такой попытки: «вам какое дело? вы не участвовали в сделках, которыми определено положение Ломбардии, стало быть, не следует вам заниматься и переменами в этом положении».

Само собой разумеется, что эти невыгоды конгресса для Австрии не более как невыгоды чисто формальные, значитель-

ные только с дипломатической точки зрения, но не могущие иметь никакого действительного значения. Читатель очень хорошо должен знать из истории, что условия мира зависят от воли победителя, и никакая держава не может произвести в них чувствительных изменений, если не возьмется сама за оружие, — стало быть, и европейский конгресс не мог бы сделать ничего важного в пользу Италии. Читатель также очень хорошо должен знать, что дипломатические гарантии всегда оказываются или совершенно излишними, или совершенно недействительными: если какая-нибудь могущественная держава во время нарушения условий, данных слабому государству сильным, найдет выгоду вступить за права слабого, она вступится за них, хотя бы вовсе не гарантировала их; а если не будет находить в том выгоды для себя, то нимало не заступится, хотя бы они гарантированы ею самым положительным образом, потому что всегда найдется благовидный предлог уклониться от невыгодных обязанностей. Но должно помнить, что после Виллафранкского мира отношения Италии, Австрии и Франции получили дипломатический характер; а в дипломатическом смысле, как мы видели, невыгоды европейского конгресса для Австрии представлялись очень значительными.

Но выгоды Пьемонта и Италии противоположны выгодам Австрии; потому, натуральным образом, Пьемонт желал европейского конгресса. Итак, с одной стороны — было желание Пьемонта и всей Италии, дипломатический обычай и отчасти даже действительная потребность по правилам международных европейских отношений, с другой — нежелание Австрии. Сардиния, дипломатический обычай и европейское право требовали созвания конгресса для окончательного решения судьбы Италии; для Австрии приятно было решить дело, так сказать, домашним образом, без участия посторонних держав, частными конференциями между тремя примиряющимися державами.

Таков был смысл вопроса о конгрессе или конференциях, поднятого тотчас по заключении виллафранкских условий. Как и все события с самого начала приготовлений к войне, — это дело зависело от воли императора французов: если бы он не захотел уступить желанию Австрии, Австрия была бы в необходимости согласиться на конгресс, потому что иначе она явилась бы сама виновницею разрыва виллафранкских условий, а каждый, следивший за ходом войны и дипломатических отношений, знает, что она никак не могла решиться на такое неблагоприятное безрассудство.

Поставленный решителем спора между Сардиниею — представительницею Италии — и Австриею, император французов почел удобнейшим для себя оказать истинно дружеское покровительство желанию Австрии, и открылись конференции в Цюрихе.

Если самое открытие конференций было выражением добро-

желательства императора французов к Австрии, то еще яснее обнаружилось это отношение формою конференций и ходом совещаний на них.

Читатель знает, каким обидным для Пьемонта образом Австрия вела дело о перемирии и об уступке Ломбардии. Она не хотела удостоивать Сардинию чести прямых сношений с нею и уступила Ломбардию не ей, а императору французов, который уже лично от себя передал эту область Виктору-Эммануилу. Той же самой системы презрения держалась Австрия и на цюрихских конференциях. Переговоры происходили не прямо между уполномоченными всех трех держав: австрийские уполномоченные сообщали свои мысли французским, и уже французские передавали требования сардинцам, потом сообщали мысли сардинских уполномоченных австрийским. Не только не хотели австрийцы сноситься прямо с сардинцами, но и вообще уклонялись от ведения дела на конференциях, как будто находили унижительным для себя определять свои отношения к Италии в таких совещаниях, на которых получили право присутствовать, как равные с ними, уполномоченные Пьемонта: австрийское неудовольствие не смягчалось даже тем, что это формальное право было, как мы сейчас говорили, уничтожено введением отдельных совещаний между Австриею и Франциею. Заседания конференции беспрестанно прерывались на несколько дней, в течение которых австрийцы вели переговоры в Сен-Клу, в Париже или Сен-Совёре непосредственно с императором французов, и Цюрихская конференция должна была только принимать результаты, полученные австрийцами посредством совещаний, из которых уже совершенно исключена была Сардиния. Такая очевидная снисходительность императора французов к желаниям Австрии, разумеется, производила в австрийцах чрезвычайную требовательность: Австрия хотела, чтобы Сардиния во всех мельчайших подробностях отказывалась от своих интересов, прав и притязаний, а сама не отступала ни в чем ни от одной из своих претензий. Таким образом, цюрихские конференции оказались еще более бессильными, чем можно было ожидать. Результаты цюрихских совещаний, разумеется, сохраняются под строжайшим дипломатическим секретом, и хранить этот секрет тем легче, что, собственно говоря, нечему из него и обнаруживаться: несмотря на все заботы уполномоченных показать вид, будто они совершают важные дела, для всей Европы очевидно, что они не могут ничего сделать по чрезвычайной требовательности Австрии.

До какой степени доходила на цюрихских конференциях эта требовательность, можно судить по одному, чисто формальному предмету раздоров. Австрийские уполномоченные вздумали спросить, какой титул намерен принять Виктор-Эммануил теперь, по приобретении Ломбардии? Сардинцы отвечали, что он думает назвать свою державу «королевством Верхней Италии». Ав-

стрийцы объявили, что не согласятся на такой опасный титул и что держава Виктора-Эммануила должна довольствоваться именем «королевства Сардинского и Ломбардского». Из этого возникли бесконечные споры; чем кончились они, мы, признаемся, не любопытствовали узнать; но читатель может судить, какова была неуступчивость Австрии во всех существенных вопросах, если она ухитрилась поднять спор по делу, не имеющему ровно никакого действительного значения.

Теперь обнаружилось, что цюрихские конференции не могут ничего порешить и что для окончания дела надобно прибегнуть к каким-нибудь другим средствам. С новою силою возникло требование конгресса со стороны Сардинии; но Австрия попрежнему не хочет его, и Франция, из любезности к ней, теперь придумывает новые дипломатические формы, по которым дело могло бы решиться соглашением только между Австриею и Франциею, без участия других первоклассных держав. Говорят, что такую форму избрано личное свидание Франца-Иосифа с Наполеоном III, и газеты наполнены известиями о том, что в Арненбурге, замке, принадлежащем императору французов в Швейцарии, делаются приготовления к посещению высоких друзей. Не имея никакой склонности проникать в дипломатические тайны, мы мало жалеем о том, что не можем положительно объявить читателю, должно ли действительно состояться такое свидание и может ли итальянское дело быть покончено без созвания европейского конгресса: для нас очень достаточно и того, что существует предположение о разрешении итальянских недоразумений личным свиданием двух императоров, — для нас довольно этого нового свидетельства о дружелюбии между ними. Зная склонности и предположения двух императоров, уже можно предугадывать, как будет решено дело Центральной Италии, если будет зависеть только от воли Наполеона III и Франца-Иосифа. А будет ли оно зависеть только от их воли или явятся обстоятельства и приобретут влияние элементы, несогласные с их намерениями, этого не знают еще и дипломаты.

Из элементов, которые могли бы своим энергическим влиянием повести вопрос к решению, различному от того, какое предопределяется ему дружелюбными отношениями Австрии и Франции, прежде всего представляется уму каждого решимость Сардинии отражать силу силою. Если бы Виктор-Эммануил положительно сказал, что принимает земли Центральной Италии в состав своего королевства, и быстро исполнил это присоединение, то, по всей вероятности, такое самостоятельное действие пробудило бы горячие дипломатические протестации, — со стороны Австрии открытые, со стороны Франции секретные, — но уничтожило бы всякую мысль о вооруженном подавлении желаний Центральной Италии. Сардинская армия, усилившись ломбардскими солдатами, имеет теперь до 120.000 человек; приняв

быстрые меры к увеличению военных сил Центральной Италии, легко было бы в две недели довести цифру войск Виктора-Эммануила до 200.000. Против такого числа защитников австрийцам понадобилось бы послать не менее 250.000 человек, начинать войну в серьезных размерах, а на это Австрия при нынешнем изнурении никак не решилась бы. Но нынешнее сардинское правительство держит себя в чрезвычайной зависимости от Франции. Оно думает, что должно искать себе опоры не в смелом удовлетворении национальным стремлениям, а в милостивом покровительстве императора французов. Потому, когда явилась в Турин депутация тосканцев с предложением присоединить их землю к Сардинии, ответ им был дан совершенно неопределимый и совершенно несообразный с потребностями положения. Надобно было прямо сказать: «Да, принимаю ваше предложение», и быстро декретировать меры к энергической обороне и к осуществлению соединения, — тогда отвратилась бы опасность вооруженного вмешательства Австрии, и осуществление патриотических желаний было бы обеспечено; или прямо сказать: «нет, не могу принять» — тогда тосканцы знали бы, что должны покориться, и могли бы избежать ужасов открытого завоевания согласием на возвращение прежних династий или избранием в свои правители принца Наполеона. Но сардинское правительство не сказало ни того, ни другого. Виктор-Эммануил отвечал тосканцам, что он благодарит их и очень рад был бы поступить по их желанию, но что исполнение этого желания зависит не от него, а от согласия Европы, и что он будет ходатайствовать за них перед европейскими державами и перед великодушным своим покровителем, императором французов. Точно такой же ответ был дан и депутациям остальных земель Центральной Италии. Нет надобности объяснять, что подобная политика оставляет Центральную Италию в прежней тяжелой неизвестности о том, должна ли она надеяться на помощь сардинской армии или предоставляется исключительно собственным силам. Впрочем, если мы говорим о неизвестности, мы определяем этим только впечатление, произведенное ответом сардинского короля на Центральную Италию, а для постороннего наблюдателя, хладнокровно взвешивающего дипломатические выражения, очень ясно, что ответ Виктора-Эммануила заключает отказ в вооруженной помощи против австрийского нападения: король сардинский говорит о «ходатайстве перед европейскими державами», а не упоминает о «защите от насилия», — на дипломатическом языке такое умолчание равносильно положительному объявлению, что Сардиния не отваживается оборонять Центральную Италию от вторжения австрийцев.

Итак, Центральная Италия остается предоставлена своим собственным силам. Посмотрим же, какие средства приготовила она для того, чтобы воспротивиться насильственному восстановлению

низложенных правительств. Вот подробное изложение этого вопроса, сделанное флорентинским корреспондентом Times'a. Надобно предварительно заметить, что этот корреспондент сам итальянец и вполне сочувствует делу итальянского единства.

«Флоренция, 21 июля.

«Эти люди, столь спокойные и рассудительные в своих действиях, столь единодушные и решительные в окончательном своем определении, готовы ли подвергаться лишениям, выдерживать опасности, которые влечет за собой их решение? Будут ли дела их соответствовать мужественным словам? Будет ли их твердость равняться их благоразумию, и на поле битвы окажутся ли они столь же непоколебимыми, как в зале собрания? Увы! Человеческая храбрость непременно основывается на сознании своей силы, на уверенности в ней, а этого, я боюсь, очень мало найдется ли десяток таких патриотов. Люди в Тоскане благородны, благоразумны, возвышенны в своих чувствах, но вовсе не герои. Примеров нравственного мужества можно ожидать от них, но едва ли можно ожидать многочисленных примеров физической храбрости. Как ни прекрасны их намерения, но я не знаю найдется ли десяток таких патриотов, которых можно заставить сделать переход в три миля в знойное время навстречу даже самому слабому врагу. Слабость и изменчивость тосканцев, особенно флорентинцев, превосходят всякое вероятие. В последние три века у них были такие нравы и обычаи, которые совершенно расслабили это племя, бывшее и в самое энергичное свое время более способным на гражданские споры, нежели на перенесение трудностей похода. У этого народа, любящего спокойствие, нет ничего похожего на мужественные игры, на атлетические забавы. Лошади у них есть, они даже любят лошадей, но, за исключением кавалерийских офицеров, едва ли вы увидите какого-нибудь тосканского джентльмена на седле. Да и офицеры, и даже простые солдаты, завладели всеми извозчичьими экипажами и, кажется, лишены всяких средств к передвижению, кроме как на машинах с колесами и рессорами. В последние два месяца тосканцы сформировали эскадрон волонтеров-гусар, вооружившихся и экипировавшихся на свой счет. Эти гусары целый день разъезжают по улицам в экипажах — это я вижу постоянно, но еще не имел счастья видеть хотя одного из них верхом на лошади.

«У них любимая отговорка та, что достоинство солдата — нравственная, а не физическая энергия, и что каждый гражданин, одушевленный благородным принципом, мгновенно может стать превосходнейшим боевым солдатом. Но я видел их волонтеров и их регулярные войска на походе в Ломбардию под командой Уллоа, и хотя многие из их недостатков надобно приписать дурной команде и очень дурному комиссариату, но должно сказать и то, что в целой дивизии едва ли было три человека, имевших силу сделать дневной переход приличным солдатом образом. Они все могли оказаться героями на поле битвы, до которой, к несчастью, не допустили их, но со стороны походной дисциплины они представляли жалкий вид.

«С такими-то оборонительными силами Тоскана готовится отстаивать свои желания против Австрии и, быть может, Франции Швейцария, имеющая население немногим больше, нежели Тоскана, два года тому назад могла грозно восстать, вызывая на борьбу с собою громадные силы самой воинственной из европейских держав². Но швейцарские люди достойны называться мужчанами. Неправедливо было бы винить тосканцев за изменчивость, которая развита в них прежними правительствами: но должно было бы нынешнему правительству постараться об исправлении этого недостатка. Можно было бы желать, чтобы оно учредило стрелковые отряды, организовало артиллерию, постаралось сделать молодых людей из хороших фамилий солдатами более серьезными, чем волонтеры-гусары, занялось национальной гвардией, которая хороша, но малочисленна и мало обучена. В Англии, где каждый занял полезным делом, нельзя отрывать от него

людей, чтобы делать их рекрутами. Но в Италии, где из десяти человек высшего и среднего сословия девятеро ничего не делают, записывать молодых людей в пешие или конные отряды значит отрывать их от праздности. Из флорентинских кофейных можно было бы набрать несколько батальонов здоровых рекрут».

«Флоренция, 2 сентября.

«Даже под страхом получить имя алармиста я должен возвратиться к неприятному вопросу о вооружениях Центральной Италии. Я думаю, что мое предостережение будет еще своевременно и полезно для итальянцев.

«Все газеты с уверенностью говорили, что силы революционизированных государств Центральной Италии простираются до 40 или 50.000 человек. Я сам часто повторял это уверение. Но теперь я должен прибавить, что эта цифра достигнута только на бумаге. Силу войск, которые теперь могли бы быть выведены в поле, никак нельзя положить более 20 или, со всеми натяжками, более 22.000 человек. Число тосканцев, находящихся под командой Гарибальди и составляющих средину между регулярными войсками и волонтерами, можно полагать в 10.000. Этот храбрый и добрый человек в письме от 30 августа опровергает слова тех газет, которые утверждали, что тосканские войска были деморализированы и дезорганизованы своим прежним командиром *. Гарибальди говорит, что «судя по их нынешнему духу, дисциплине и воинственному виду, он думает, что эти солдаты с честью могли сражаться подле маджентских и сольферинских победителей». Но, сколько я знаю, никто и не питал сомнения о их мужестве и воинственном виде. Все жалобы относились к расслаблению дисциплины и к недостаточной приготовленности их переносить трудности долгих переходов и лишений походной жизни. Я знаю, что теперь они в лучших руках и скоро будут способны очистить себя от всех невыгодных суждений. Но все-таки они — неопытные солдаты, и невозможно, чтобы они держали себя, как ветераны. Маленькая тосканская армия в нынешнем своем виде — не создание нового времени. С небольшими переменами, она — наследство, доставшееся новому правительству от прежнего герцога.

«Фарини организовал моденскую бригаду, реджиосскую бригаду и теперь занимается организацией пармской бригады. Но приготовить регулярные войска к полевым действиям гораздо труднее, чем проектировать их в декретах. Романская дивизия Мещокапо не была еще готова целых два месяца после того, как начался набор ее, и усердие итальянских волонтеров неизбежно было охлаждено Виллафранкским миром. По последним верным известиям из Пармы я знаю, что в этом городе не более 500 волонтеров, да и то большей частью люди, отпущенные из пьемонтской армии и привлеченные под знамена нелепо огромным жалованьем, которое назначено как будто для того, чтобы сделать их пьяною и беспорядочною толпою. Я не думаю, чтобы не таково же было состояние моденской и реджиосской бригад. Бесспорно, Гарибальди такой человек, что может совершать чудеса с самыми жалкими средствами. Рекруты, поведенные им в Ломбардию, под именем альпийских стрелков, мгновенно были превращены его влиянием в легион героев, — но то делалось в энтузиазме безотлагательного боя и постоянных успехов. Мне кажется страшною для итальянцев не открытая война, а долгая, утомительная праздность и расслабляющая жизнь в городах. Я уверен, что Гарибальди не хуже меня понимает опасность своего капуанского отдыха и постарается держать свои моденские и другие войска в непрерывной деятельности, необходимость которых для тосканских войск он уже заметил. Но, как бы то ни было, я не вижу возможности говорить теперь о моденских и пармских войсках, как о действительно существующих уже в настоящем.

* Генералом Уллоа, которого осуждают за то, что он, слишком подчиняясь принцу Наполеону и вообще французской политике, оставлял тосканские войска в бездействии.

Все декреты говорят о них в будущем времени; я нахожу, что теперь устроены пока только еще зародыши и кадры трех этих бригад, и я не уверен, чтобы во всех трех бригадах нашлось готовыми к выступлению много сотен солдат.

«В Романьи организация дивизии Меццокапо встретала много затруднений. Два вновь формируемые корпуса генерала Росселли и полковника Пинелли отняли много волонтеров у этого первоначального отряда, потерявшего много солдат и через отпуск тех волонтеров, которые не хотели продолжать службу, так что высшая цифра, какой определяется численность войск под командою Меццокапо, не превышает 8.000 человек. К ним должно прибавить отряд Росселли, простирающийся, быть может, до 3.000 чел. Вся эта масса моденских и романских войск состоит из людей, большинство которых ни разу не были в огне. Тосканцы, кажется, имеют четыре с половиною батареи, по восьми орудий каждая; в Романьи артиллерия состоит из 12 пушек. В Тоскане, кроме 10.000 человек, находящихся теперь в лагере, есть еще резерв, который простирается, быть может, до 10.000 человек; в это число входят 2.400 человек жандармов и солдат таможенной и прибрежной стражи, — эти солдаты превосходные, но, разумеется, их нельзя выводить за границу; остальные — рекруты. Если время позволит довершить обучение рекрут и если будут деньги, то нынешнее число действительно годных в дело солдат Центральной Италии — 22.000 человек — бесспорно может быть удвоено.

«Тоскана, Парма, Модена и Романья имеют от 4 до 5 миллионов жителей. Когда нынешние распоряжения о наборе войск будут все исполнены, эти земли будут иметь до 50.000 войска, то есть по одному солдату на 100 человек жителей, — пропорция недурная для государства, находящегося вне всякой опасности и пользующегося глубоким миром.

«Но мне кажется, что Центральная Италия не находится вне всякой опасности и не может надеяться на глубокий мир.

«В герцогствах Пармском и Моденском выказывается сильная, но не очень практичная ревность к поголовному вооружению народа. Низшие сословия имеют оружие, но правительство, по крайней мере в Парме, почти боится дозволить им обучаться обращению с оружием. В Тоскане «благоразумные» люди говорили мне: «много мы наделади великих глупостей, но избежали, по крайней мере, одной — учреждения национальной гвардии». Действительно, до Виллафранкского мира не было ничего похожего на национальную гвардию. Теперь есть до 500 молодых людей из среднего сословия, начавших учиться военному делу. Но национальная гвардия не была бы «великой глупостью» для страны, которая нуждается в защитниках. Каждый мужчина здесь должен был бы иметь ружье и учиться стрельбе из него. Нет на земле ничего удивительнее итальянской лени. Я мог бы целые сутки без перерыва говорить на эту грустную тему. Итальянцы предавались лени при своих прежних абсолютных правительствах, потому что «суровость тех времен подавляла всякую энергию». Они предаются лени — предаются ей, если только можно, больше прежнего — при нынешнем положении вещей, потому что «сильные ощущения от изумительных событий не дают подумать ни о каком деле». Их праздность могла бы обратиться на великую пользу им, если бы они захотели употребить свое праздное время на то, чтобы обратиться к военному делу. Я слышал, что в герцогстве Пармском устроены галлерей для стрельбы и что народ охотчо посещает их. Но в Тоскане ничье ухо не тревожится звуками выстрелов, ничего подобного не устроено, ни о чем подобном и не думают. Праздность тосканской расслабляющей жизни в кофейных только усилилась в эти тревожные времена освобождения. Нескончаемо идет в кофейных болтовня, остающаяся пустою болтовнею. Молодежь, бесконечные часы толковавшая прежде в кофейных о новой танцовщице, так же бесконечно толкует теперь о вероятности того, что Наполеон III скорее заступится за Тоскану, чем станет помогать австрийцам, о том, что Англия или Пруссия, или китайский император явится на защиту итальянского дела и никто в этой изнеженной толпе не встает напомнить своим товарищам-эпикурейцам, что мужчины должны быть мужчинами, что

об итальянском деле должны заботиться итальянцы, что каждый человек с здоровыми руками и ногами, бездейственно сидящий теперь в кофейной, есть изменник родины. Я не раз писал вам, что правительство хотело набрать вскадрон гусар, числом в 150 человек, из хороших фамилий. Во время войны набралось до 60 человек таких гусар. После Виллафранкского мира число их уменьшилось до 25, — какова после этого надежда на то, что люди хороших фамилий будут готовы рисковать жизнью за независимость отечества? Эти 25 ничего не делающих гусар попрежнему гуляют пешком, а чаще в экипажах, по улицам Флоренции, остаются в которой вовсе и не следовало бы им. У нас здесь множество людей в раззолоченных мундирах — людей, надевших мундиры потому, что мундир, по их мнению, придает им красоту; они с большим удовольствием носят тяжелые, слишком тяжелые сабли, которые гремят и звенят, волочась за ними, но их никогда не позовут на действительную службу, и, что еще хуже, они не услышат, если их позовут.

«Я представил картину не очень лестную. Но я вовсе не хочу, чтобы эту преступную бездейственность итальянцев приписывали недостатку храбрости, нежеланию идти на опасность и смерть в случае нужды. Пороки итальянцев должны быть приписываемы состоянию, в каком находилось их отечество столько веков. Каковы бы ни были итальянцы, должно сказать, что они бесконечно лучше того, чем можно было бы ожидать. У них живые чувства и благородные инстинкты надобно только действовать на них во-время. Когда первые слухи о войне электризовали страну четыре месяца тому назад, было бы легко вывести сотни тысяч итальянцев из этих кофейных, заменяющих им дом. В апреле в Пьемонт являлось столько волонтеров, что не находилось места для них всех. Даже теперь, если Гарибальди пройдет по тосканским городам, призывая молодежь к оружию, за ним пойдут десятки тысяч волонтеров. Битвы итальянцы не боятся, они не отступят перед огнем и сталью, когда кровь их разгорячена. Но они не любят военного обучения и маршировки. Они не любят солдатчины, если не видят необходимости в ней. После Виллафранкского мира они ввали в оцепенение, которое происходит наполовину от уверенности в защите, наполовину от отчаяния. Император французов дает им уверения, что никакое вооруженное вмешательство иностранцев не грозит им. Все итальянские, французские и английские газеты повторяют, что Европа не позволит никому пальцем тронуть народ, который держит себя с таким примерным достоинством, благоразумием, единодушием. А если Франция и Австрия оставят их в покое, то «за чем же, — говорят они, — нам получать мигрени и моволи от долгих напрасных маршей? Против наших герцогов и папы слишком довольно будет и тех солдат, которых мы уже набрали; а если Франция не сдержит своего слова, — если она или Австрия вместе нападут на нас, к чему приведут все наши воинственные приготовления? К тому, чтобы умереть с оружием в руках и облагородить нашу погибель подвигами отчаяния! Но храбрость отчаяния не нуждается ни в оружии, ни в солдатском обучении. Флоренция храбро сражалась против Карла V в 1529 году, хотя имела только необученных военному делу граждан под начальством Франческо Ферруччио, против ветеранов испанской и немецкой армий. Рим и Венеция в 1849 дорого продали победу французам и австрийцам, хотя едва ли кто из этих волонтеров знал, правую или левую ногу надобно выступать вперед»³.

«Трудно спорить с людьми, которые так легко смотрят на обязанности гражданина. Тосканское правительство, хорошо знающее свой народ, по временам издает изящные, красноречивые, чувствительные патриотические увещания, приглашающие прежних и новых волонтеров становиться в ряды армии. Принуждать их к этому или набирать солдат посредством конскрипции кажется делом, превышающим власть или решимость правительства. Оно не отваживается на такие неудобноисполнимые вещи, и его чрезвычайная заботливость о сохранении порядка делает его до крайности подозрительным против каждого, кто хотел бы изустно или печатно сделать более сильное воззвание к патриотическим чувствам массы. Быть может, правительство поступает благоразумно, держась такой системы, быть может, обстоятельства

расположатся так, что тосканцы будут избавлены судьбою от испытания отчаянной обороны. Быть может, их желания будут уважены и присоединение Тосканы к Пьемонту совершится без борьбы. Они поручают решению великих держав справедливость своего дела, но не приготовились противопоставить отчаянное сопротивление окончательному их решению».

Итак, говоря коротко и прямо, Центральная Италия остается беззащитна, — по крайней мере, была беззащитна в половине сентября. Силы, которые она приготовила, достаточны для отражения двух или трех тысяч человек, которых мог бы привести с собой герцог моденский; быть может, достаточны для отражения папских войск; но вторжению какого-нибудь даже одного австрийского корпуса они не могли бы представить успешного сопротивления. Странная, изумительная беспечность! И чтобы объяснить ее, мы должны высказать факты, за раскрытие которых перед нашими читателями опять могли бы сердиться на нас западно-европейские либералы, если б «Современник» мог быть им известен.

Будем говорить откровенно. Какова цель, которую поставили себе правительства Центральной Италии, и кто такие люди, в руках которых находится теперь управление этими областями? В Тоскане и в легатствах правительство составляют люди, принадлежащие к так называемой умеренной либеральной партии. Она до последнего времени не считала возможным думать о соединении Центральной Италии с Пьемонтом — такая мысль представлялась ей преждевременною, слишком смелюю. Она считала возможным стремиться только к тому, чтобы прежние правительства, низвержения которых она не надеялась, покинули свою реакционную политику, начали подражать либерализму Пьемонта и заменили прежний свой союз с Австрией союзом с Пьемонтом. Учреждение федерации между итальянскими государствами казалось ей крайнюю степенью прогресса, возможною для настоящего времени. Достичь этой цели она думала не силою самого народа Центральной Италии, — эта опора представлялась ей слишком слабою, — а дипломатическим заступничеством великих европейских держав. Она жестоко преследовала, как вредных мечтателей, последователей Маццини, которые говорили, что надобно стремиться к слиянию итальянских государств не в союз, а просто в одно государство, и что произвести эту перемену должны сами итальянцы, своими собственными силами. В каком же положении находятся теперь умеренные либералы, управляющие делами Центральной Италии? Обстоятельства повернулись так, что их собственная программа совершенно устранена, и вопрос идет об осуществлении программы, которую защищали маццинисты. Прежние правительства были низвергнуты, чего не надеялись умеренные либералы. Выбор остался только между двумя крайностями: или возвращаются низложенные правители, с удвоенною враждою к национальным стремлениям, и будут крепче

прежнего держаться австрийской политики, или области Центральной Италии составляют одно государство с Пьемонтом. Чтобы избежать реакции, чтобы осуществить национальные стремления, надобно опираться не на дипломатическое заступничество иностранцев, а исключительно на свои собственные силы. Таким образом, умеренные либералы поставлены в необходимость исполнять программу Маццини. Этим объясняется слабость, медлительность их действий. Они находятся в фальшивом положении. Им пришлось направлять отечество к цели, которую издавна привыкли они считать недостижимой, пользоваться для этого средствами, которые привыкли они считать недостаточными или опасными. Они должны вооружать народ, — но разве они не думали всегда, что народ бессилён? Разве они не думали всегда, что его содействие опасно, потому что он слишком легко готов предпочитать маццинистов умеренным либералам? И вот они принуждены преследовать каждого, кто хотел бы вооружить массу, одушевить ее, пробудить в ней горячую энергию. Каждый агитатор представляется для них опасным маццинистом, а всех маццинистов они считают нужным арестовать или высылать за границу. Они боятся, что европейские дипломаты обвинят их в революционерстве, они хотят сохранить репутацию людей смиренных, послушных дипломатическим обычаям, а между тем поставлены в революционное положение, не имеют в своем распоряжении никаких других сил, кроме революционных, — вот объяснение тому, что они остаются бездейственными и оставляют Центральную Италию до сих пор без средств к обороне.

Чем разрешится такое фальшивое положение дел? Уступят ли умеренные правительства Центральной Италии необходимости обстоятельств и отважатся ли наконец прибегнуть к сильным средствам для приведения страны в возможность защищаться? Отважится ли Сардиния открыто явиться защитницею Центральной Италии? — Мы боимся, что оба эти решения будут приняты уже тогда, когда поздно будет защищаться. Время идет, и с каждым днем опасность иностранного вторжения приближается, а Сардиния все остается в своей робости и правительства Центральной Италии все еще бездействуют. Мы боимся, что время свободы, оставленное для них дипломатическими переговорами об исполнении Виллафранкского мира, — это краткое время свободы, которым они должны были бы воспользоваться для приготовления к обороне и которое протекает бесполезно по нерешительности Сардинии, по бессилию правительств Центральной Италии, — послужит только к тому, чтобы приготовить более жертв для реакции.

Но если Австрия твердо решилась на вторжение в Центральную Италию для восстановления прежних правительств (она уже собрала 200 000 войска в Венецианской области) и если Франция, как теперь очевидно, не хочет жертвовать своими вой-

сками, чтобы во второй раз защищать Италию, то зачем же столько времени медлит Австрия? Это промедление, конечно, зависит не от нее: она может вторгнуться в Италию только тогда, когда император французов найдет удобным для себя сказать: «теперь пора»; а он по необходимости должен был несколько времени помедлить таким разрешением.

Император французов никак не ожидал, чтобы Виллафранкский договор произвел на Францию такое невыгодное впечатление; он надеялся, что Франция и вся Европа назовут его освободителем Италии, согласятся с ним, что он сделал для итальянцев все, что мог, и доставил действительную гарантию их независимости и единству учреждением итальянской конфедерации. Потому он полагал, что может удобно совершить и восстановление эрцгерцогов, что эта небольшая неприятность будет заглушена в европейских либералах восторгом от присоединения Ломбардии к Пьемонту и учреждения итальянского союза. Притом, как мы говорили, он надеялся, что встретит в Центральной Италии безусловную покорность и что восстановление эрцгерцогов будет произведено почти без всякого шума. В той и в другой надежде он обманулся. Опрометчивые французские либералы, увлекавшиеся нелепым доверием во время войны, были разочарованы в своих неосновательных надеждах условиями Виллафранкского мира и вознегодовали; почти вся Франция разделяла прежде их ошибку и теперь стала разделять их чувство. Из всех виллафранкских условий восстановление эрцгерцогов было самым щекотливым, самым непопулярным; притом, [как] мы говорили, оказалось, что нельзя исполнить его так тихо, незаметно, как надеялся император французов: тосканцы и моденцы, вместо того чтобы молча покориться, поспешили высказать, что восстановление эрцгерцогов может быть совершено только вооруженною силою и решительно противно их желанию. Этими двумя непредвиденными обстоятельствами — непопулярностью Виллафранкского мира во Франции и непокорностью Центральной Италии — достаточно, по нашему мнению, объясняется медлительность императора французов, отсрочивавшая до сих пор принятие мер к восстановлению в Центральной Италии прежнего порядка вещей. Многие производят его политику в этом вопросе из другого побуждения: говорят, будто Наполеон III хочет создать из Центральной Италии особенное королевство для своего двоюродного брата, принца Наполеона, и думают, что его систему должно объяснить следующим образом: пусть Тоскана, Модена и Романья получат довольно времени, чтобы безвозвратно компрометировать себя перед своими прежними династиями; когда эти земли доведут дела до такой крайности, что не будут в состоянии ожидать от восстановления прежних правительств ничего, кроме ужасного мщенья, тогда им будет объявлено, что соединение с Пьемонтом невозможно. Не имея возможности возвратиться назад, к прежним правитель-

ствам, Центральная Италия будет рада всякому средству избавиться от своего отчаянного положения, отвратить от себя мщение австрийцев и эрцгерцогов, возвращение которых будет неизбежно грозить ей, когда она увидит себя оставляемой без защиты и сардинцами, и французами. Тогда агенты принца Наполеона объявят ей, что остается один только путь избавиться от страшной реакции, — надобно провозгласить королем Центральной Италии принца Наполеона, который, будучи зятем короля сардинского, может даже не считаться в Италии чужестранцем, стало быть, тосканцы, моденцы и жители Романьи, избрав его своим властителем, могут утешаться мыслью, что не подверглись иноземному господству. В прежних наших обозрениях приведено довольно фактов, могущих подтверждать такой способ объяснения политики императора французов. Теперь мы прибавим, что есть в Тоскане агитаторы, убеждающие своих соотечественников, что принц Наполеон один может спасти их от австрийского мщениа и порабощения. Говорят, что Меттерних ездил к Наполеону III в Сен-Совёр более всего для соглашения по этому предположению, и уверяют, будто он передал императору французов, что Австрия готова не противиться учреждению в Центральной Италии королевства для принца Наполеона, лишь бы оно было создано волею двух императоров, а не основывалось формально на принципе верховной власти народов располагать своею судьбою. До какой степени верен этот слух, мы не знаем; но само собой разумеется, что императору французов было бы приятнее превращение Центральной Италии в особенное королевство под властью его родственника, нежели ее присоединение к Пьемонту, который в таком случае слишком усилился бы. Это несомненно; напротив того, трудно решить, составляет ли учреждение такого королевства положительную цель его политики или просто только остается его желанием, осуществление которого предоставляет он стечению обстоятельств, не находя удобным жертвовать для него более близкими потребностями своего положения. Нам кажется, что эти потребности были в течение нынешнего лета очень настоятельны и что забота об удовлетворении их заставляла императора французов в политике относительно Центральной Италии руководиться интересами более близкими, нежели учреждение королевства для принца Наполеона. По крайней мере, факты вроде посольств графа Резе и графа Понятовского показывают, что до последнего времени император французов имел в виду не приобрести королевский сан своему родственнику, а просто восстановить эрцгерцогов. (Разумеется, обстоятельства с каждым днем могут перемениться и открыть Наполеону III возможность изменить свою политику.) Статья «Монитёра» также свидетельствует об этом, да и вообще медлительность политики Наполеона III относительно Тосканы, Модены и Романьи достаточно объясняется, как мы уже говорили, двумя обстоятельствами: не-

популярностью Виллафранкского мира и непокорностью Центральной Италии.

Против ожидания увидев, что Виллафранкский мир произвел на Францию очень неблагоприятное впечатление, Наполеон III был должен доказать, что условия его не так дурны, как показалось французам, и потому он отложил исполнение самого непопулярного из этих условий — восстановление эрцгерцогов — до той поры, когда неудовольствие французам остынет и внимание их будет отвлечено от Италии новыми вопросами. Для смягчения невыгодного впечатления оказалось нужным прибавить и объяснение, что он соглашался на восстановление только в предположении, что оно будет произведено с согласия самих тосканцев и моденцев. Чтобы показать французам ошибочность их мнения, будто он не расположен в пользу итальянского единства, он очень милостиво принимал итальянцев, являвшихся к нему с разными адресами. С тою же целью французскому посланнику в Риме, герцогу Граммону, было поручено возобновить старинные требования о введении в римских владениях светского управления и наполеоновского кодекса и даже предложить папе, чтобы он признал оставшие провинции самостоятельным наместничеством, которое было бы независимо от Рима по своим внутренним делам, уплачивая только известную ежегодную подать для покрытия издержек римского двора. Разумеется, все эти действия Наполеона III надобно считать только следствием неприятной, но, вероятно, непродолжительной надобности заставить французам изменить мнение о характере его итальянской политики. Должно думать, что эта надобность минует, когда остынет во Франции первоначальная энергия неудовольствия, произведенного Виллафранкским миром, и что тогда император французам возвратится к более открытой консервативной политике.

Несоответственность суждений французам о Виллафранкском мире с ожиданиями Наполеона III была причиною некоторых действий, не соответствующих принципам его, и во внутренней политике. Надобно было заставить чем-нибудь французам изменить порицание в похвалу, и потому 17 августа обнародована была амнистия всем политическим изгнанникам, ссыльным и заключенным, или, по выражению декрета об амнистии, преступникам. Во французских газетах амнистия вызвала горячие похвалы, и, вероятно, многие из изгнанников воспользуются ею. Но главнейшие из них один за другим обнародовали протестации против этого акта. Протесты были написаны, разумеется, в духе, совершенно противном правительству Наполеона III; но тем не менее газеты, издающиеся во Франции, получили разрешение перепечатать их. Вообще, правительство видело необходимость сделать некоторые уступки для смягчения общественного мнения, и разнеслись слухи, что готовится новый закон о книгопечатании, дающий гораздо большую свободу журналистике. Будет он издан

или нет, мы не знаем, но строгость, с которою правительство следило за неприязненными ему газетами, на время значительно уменьшилась, и в журналистике начали говорить о внутренних делах языком более смелым. Явились даже прямые требования свободы печатного слова; даже осторожный *Journal des Débats* почел безопасным напечатать статью, в которой подробно показывает вред, происходящий для государства от стеснений, которым подвергается свобода печатного слова.

Но все эти меры и уступки для отвращения общественного мнения от неудовольствия, овладевшего Францией после Виллафранкского мира, оказывались недостаточны, и потому давно уже стали говорить, что Наполеон III хочет загладить непопулярность, бывшую следствием мира, началом новой войны — или с Германией, то есть собственно с Пруссией, или с Англией; предполагается, что та и другая война были бы приятны для французов: одна льстила бы им надеждой на завоевание земель до Рейна, другая льстила бы враждебному предубеждению против англичан, до сих пор остающемуся в толпе реакционеров и невежественных простяков.

Мы не знаем, до какой степени верны были эти предположения: в войне с Пруссией и Германиею не так легко можно было бы приобрести лавры, как в сражениях с австрийцами, а война против Англии еще гораздо опаснее. Скорее всего надобно думать, что эти слухи, по крайней мере для настоящего времени, не предназначались к исполнению, а были возбуждаемы только за тем, чтобы отвлечь внимание французов от Виллафранкского мира. Война необходима для императора французов, но кажется, что нужно еще довольно много времени для устройства дипломатических отношений, которые дозволяли бы начать войну с Пруссией или Англиею удобным для него образом. Однако же, как бы то ни было, с серьезною [ли] мыслью о войне или только для занятия французов толками о вероятности или невероятности новой войны, начинались уже приготовления к ссорам с Англией. Полуофициальные газеты получили приказание греметь угрозами против Англии. Была уже приискана и причина для разрыва с нею: она заключалась опять-таки в итальянском вопросе. Англия говорила, что не хочет вооруженного вмешательства в Центральной Италии для восстановления эрцгерцогов или учреждения нового королевства в пользу принца Наполеона; она требовала, чтобы тосканцам и моденцам было дозволено осуществить их желание присоединиться к Пьемонту. Французская политика, находившая невыгодным для себя допустить такое усиление Пьемонта, естественно, находилась в противоречии с английской. Это разногласие и угрозы французских газет, служащих обыкновенно органами французского правительства, заставили англичан серьезно подумать о средствах борьбы в случае войны с Францией: английские арсеналы и военные верфи кипели деятельностью;

парламент даже назначил комиссию для обозрения берегов Англии с целью усилить укрепления тех пунктов, которые окажутся недостаточно защищенными. Тревога эта, поднятая Францией, была, однако, во всей вероятности, только средством, придуманным для развлеченія французов, без серьезнаго намеренія начать войну в скором времени. Кроме общих оснований для такого мненія, находимых нами в том, что война с Англией очень трудна для Франціи и очень опасна для самой прочности власти императора французов, положительное подтвержденіе нашему мненію мы видим в чрезвычайной поспешности, с какою французское правительство воспользовалось первым случаем прекратить свои угрозы против Англии, заменив их другим, непредвиденно представившимся средством развлечь вниманіе своей націи.

Случай этот дали китайцы. Читателям известно, что по последнему договору Англія и Франція, которые вели войну с Китаем общими силами, получили право прислать своих уполномоченных в Пекин для размена ратификованных списков трактата. В июне посланники действительно отправились туда с этою целью в сопровожденіи англійской эскадры и нескольких французских судов, и 17 іюня дошли до устья Пейхо, укрепления котораго были разрушены англичанами в предыдущую войну. Теперь эти укрепления оказались восстановленными, но ни батарей, ни солдат на них не было видно. Несколько дней прошли в переговорах, потому что китайцы не хотели впустить эскадру, требуя, чтобы уполномоченные отправились в Пекин сухим путем. Видя их упрямство, посланники решились, наконец, пройти через устье, не слушая возраженій. Но когда англійские суда (25 іюня) подошли к укреплениям, вдруг на них демаскировались очень сильныя батареи, а на берегу явилось многочисленное войско. Произошла битва, и не приготовившіеся к ней англичане принуждены были отступить, потеряв 464 человека убитыми и ранеными из 1.300 человек экипажа. Французы, которые почти не участвовали в сраженіи, потеряли только 14 человек. Французское правительство с величайшей горячностью стало говорить о необходимости самым сильным образом отмстить за оскорбленіе французскаго флага и немедленно вступило в самыя дружескія переговоры с англійским о содействіи англійскому флоту в Китае. Оно изъявило готовность послать на войну с китайцами корпус в 12.000 человек, и, благодаря китайцам, прежнія угрозы против англичан вдруг заменились живейшим усердіем помогать им против китайцев. Действительно, если можно достигъ цели, то есть развлечь французов легкою и эффектною войною на далеком востоке, то к чему продолжать опасныя ссоры с англичанами?

О внутренних делах самой Англии мы очень давно не говорили, потому что в ней до послѣдняго времени все было заглушено толками об итальянской войнѣ. Почти без шума упало министерство Дерби — его судьба была решена, когда независимые либе-

ралы согласились поддерживать Пальмерстона и Росселя. Почти ничего не было сделано в краткую сессию нового парламента, который ограничился только тем, что низверг Дерби (в чем никто не сомневался) и принял бюджет, представленный новым министерством (в чем также не было никакого сомнения). По принятии бюджета парламент разошелся, отложив до обыкновенной сессии все важные дела. Только теперь, когда ослабели опасения войны, возобновляются заботы о внутренних вопросах. Больше всего общественное внимание было занято в последнее время колоссальной распрей между лондонскими строительными подрядчиками и их рабочими, которые требовали сокращения работы с десяти часов в день на девять часов (*Nine hours movement* *). Теперь этот величественный эпизод борьбы между капиталом и трудом приближается к окончанию, и в одной из следующих книжек мы представим отдельную статью о нем⁴. Реформистское движение, оттеснявшееся на второй план войной, теперь возобновляется, и в следующей книжке нам придется, вероятно, говорить о нем. А теперь мы должны сказать хотя несколько слов о влиянии, оказанном итальянской войною на дела других западноевропейских государств. Газеты наполнены известиями об улучшениях внутреннего управления, полученных или получаемых Австриею, и об агитации для достижения национального единства, овладевшей Германиею. Много говорить об этих вещах не стоит, но надобно сказать столько, чтобы читатель мог убедиться, что подробнее говорить о них не стоило.

Австрийские либералы (либералы есть и в Австрии, притом даже в очень значительном количестве) основывают теперь великие надежды на расположении своего правительства «к исправлению недостатков законодательства, искоренению злоупотреблений, введению просвещенного направления в администрации» и т. д. Читатель, быть может, не верит, чтобы подобная вещь могла находить себе место в Австрии? Он ошибается: надежды либералов опираются на доказательстве самом несомненном, — на словах, которыми заканчивается манифест австрийского императора о заключении мира. Кто может не верить официальному обещанию? Покажите нам такого скептика, — нет, вы его не отыщете, по крайней мере, между либералами, отличительными чертами которых и в Австрии, как повсюду, служат два качества: верить и восхищаться. Содержание манифеста, внушившего им восторг, в сущности таково: «нас поколотили, у нас отняли часть наших земель; думать о новой войне теперь пока нам нет возможности, потому что нет у нас и десяти гульденов звонкой монеты, а на бумажные деньги войну вести трудно. Итак, мы проникаемся миролюбивыми чувствами и постараемся развитием внутренних сил вознаградить потерю во внешнем могуществе». Прекрасно.

* Движение за 9-часовой рабочий день. — *Ред.*

Но из этого ясно, что только военные неудачи заставили австрийское правительство подумать о внутренних улучшениях, а из этого ясно, что когда позабудется стыд поражений, когда остынет народное неудовольствие, возбужденное ими, пройдет и забота об улучшениях. А к сожалению, Австрию побили слишком еще мало. Если бы у нее отняли Тироль или Богемию, если бы победоносный неприятель дошел до Вены, быть может, впечатление о неудовлетворительности прежней системы осталось бы в правительстве довольно сильно и прочно. Но теперь места поражений армии были так отдалены, что скоро явится — и отчасти явилась уже — возможность приняться за прежнее самохвальство. Действительно, мы уже видим в официальных австрийских газетах уверения, что австрийская армия покрыла себя славою в итальянскую войну. Возвращение самодовольства предвещает скорое падение реформационных намерений правительства, и мы скоро увидим, что почти все обещания свои оно оставит невыполненными, решительно возвратится к реакционной политике, которой следовало до войны. Да и в чем состоят обещанные реформы? Касаются ли они основной причины зла? Обещано ли прекратить бесправие граждан перед правительством? Нет, нынешний правительственный принцип не только не намерен, а даже и не обещал отказаться от своего произвола, ограничить себя законами, которые давали бы гражданам участие в правительстве. Дело ограничилось официальным признанием надобности изменить низшую администрацию и прекратить стеснения, которым подвергались в пользу католичества другие исповедания. Кто, кроме либералов, по природе своей расположенных восхищаться и надеяться, мог находить какую-нибудь существенную важность в этих реформах, которые могли бы иметь действительное значение только тогда, если бы являлись лишь второстепенными чертами в общем преобразовании государственных учреждений, во всей системе своей проникнутых духом угнетения? — Исправить низшую, городскую и сельскую администрацию! Да возможно ли, чтобы она исправилась от каких бы то ни было уставов, если остается в прежнем виде областная и общая государственная администрация? Что значит какой-нибудь окружный начальник или городской бургомистр, когда правитель провинции и министр, повелевающие ему, продолжают действовать по прежней системе? Могут ли инверцы почувствовать действительное облегчение от каких бы то ни было частных постановлений, относящихся к ним, когда вся администрация попрежнему остается подчинена принципу обскурантизма и свобода мысли попрежнему преследуется как преступление? Неужели можно сказать, что правительство вступает на новый путь, если оно имеет упрямство ограничить реформы такими мелочами, как постановления о низших чиновниках и каких-нибудь инспекторах протестантских школ? Но либеральные оптимисты ничего не разбирают. Как юношам необходимо быть в

состоянии влюбленности, так им необходимо быть в состоянии благонадежности, и как юноши готовы влюбляться в каждого урода, лишь только слышат шорох шелкового платья, так и они восторгаются при одном звуке слов «либерализм, реформа, улучшение». Не знаем, начали ли они разочаровываться теперь, но фактов уже слишком довольно, чтобы разочароваться. Вот уже три месяца прошло с того времени, как даны были обещания, а для выполнения их ровно ничего еще не сделано, кроме только того, что под громким названием устава об отвращении притеснений, которым подвергались иноверцы, издан закон, в котором самое важное правило то, что протестантские школы отныне будут иметь ревизорами только протестантов. Да и это необыкновенно важное облегчение дано пока только еще протестантам венгерских областей, — о том, можно ли дать такие же громадные привилегии протестантам других провинций, австрийское правительство еще думает. Будем надеяться, что и они получат такие же прочные гарантии своей религиозной свободы. Да, великая реформа! Можно после этого ожидать, что и обещание о преобразовании низшего управления будет выполнено: делать реформы в подобном размере вовсе не обременительно для правительства. Конкордат, по которому иезуитизм вмешивается во все дела, контролирует всю жизнь каждого австрийца, остается во всей своей неприкосновенности, — почему же не дать протестантским школам протестантских ревизоров? Ведь их будут назначать люди, находящиеся под влиянием иезуитов, стало быть, выберут таких протестантов, которые будут служить иезуитству усерднее всякого католика. Будем же уверены, что Австрия вступила на новый путь, что реакция и обскурантизм заменяются в ее правительстве просвещенным и свободным направлением. Если нам кто-нибудь скажет, что все учреждения и принципы, от которых зависит нынешний порядок дел в Австрии, остаются невредимы, мы будем отвечать ему, что он тупоумный скептик, не понимающий величия совершаемых австрийским правительством преобразований. Он, быть может, скажет, что венское правительство попрежнему сохраняет безотчетную власть над всей государственной жизнью, может по произволу сажать в Шпильберг кого только вздумает, назначать правителей по придворным и бюрократическим интригам, издавать какие ему вздумается распоряжения, от нечеловечности и обскурантизма которых ничем не ограждены австрийцы; он скажет, что венское правительство попрежнему опирается только на вооруженной силе и жертвует всем для поддержания своего военного деспотизма, что оно преследует всякую свободную мысль, управляет посредством ржавых бюрократических пружин; он скажет, что народ попрежнему обременен налогами, что финансы попрежнему истощаются расходами на армию и на роскошь двора. Мы будем отвечать такому скептику, что все это пустяки, что все недостатки

и бедствия австрийской жизни уничтожаются учреждением протестантских ревизоров в протестантских школах: чего же вам еще в самом деле? не ясное ли это доказательство просвещенности и свободолюбия в австрийском правительстве? ⁵

Еще меньше сомнений представляет движение в пользу германского единства, обнаружившееся во всех немецких государствах со времени войны. Опасность, которая, по мнению немцев, грозила им со стороны Франции, пробудила в апатической массе мысль о том, как беззащитна Германия при своей раздробленности; распри между разными немецкими правительствами, не прекращавшиеся и в то время, когда почти все ожидали нападения иностранцев, заставили массу живо почувствовать вред, приносимый общим выгодам и потребностям нации мелкими соперничествами разных ее государств; унижительная снисходительность, с какою полуофициальные французские газеты уверяли немцев, что император французов хочет быть не врагом, а милосердным покровителем Германии, напомнила массе о том, какое жалкое положение занимает великая немецкая нация среди других народов по своей разрозненности между множеством правительств. Пользуясь этими впечатлениями, умеренная либеральная партия возобновила свои требования, чтобы устройство немецкого союза было преобразовано для придания единства немецкому народу. Вместе с требованием большего единства возникло и неразрывно соединенное с ним в Германии требование большей политической свободы. Палаты некоторых второстепенных немецких государств приняли адреса, которыми просили свои правительства позаботиться о достижении такого результата. Начали составляться разные собрания политических людей для представления или частным правительствам, или франкфуртскому сейму адресов в том же смысле. Многие города через своих муниципальных правителей выразили такое же желание. Если бы мы захотели перечислить все эти адреса, собрания и просьбы, список вышел бы чрезвычайно длинный; если бы мы вздумали выбирать из адресов и просьб все черты патриотизма и либерализма, очерк национального движения в Германии составил бы очень красноречивый. Но в чем же состоит сущность дела и можно ли ожидать каких-нибудь результатов от этого движения? Немецкие патриоты и либералы, подававшие адреса и требования, все свои надежды возлагают на патриотизм и мудрость немецких правительств, особенно прусского. Прекрасно. Спрашивается только, могут ли немецкие правительства добровольно взяться за исполнение желания немецких патриотов? Единство Германии — это значит, что правительства второстепенных немецких государств должны отказаться от своей самостоятельности; но кому же охота добровольно уменьшать свою власть, добровольно жертвовать своими правами? Итак, ни баварское, ни саксонское, ни ганноверское, ни какое другое из второстепен-

ных немецких правительств не может желать единства Германии. А если так, можно ли ожидать, чтобы прусское правительство принялось за осуществление такого дела? Неужели оно может для удовлетворения либералов начать смертельную вражду с другими немецкими правительствами, которые основаны на тех же самых принципах, как и оно? Революционные средства не могут быть приняты консервативным правительством, а единство Германии, при нерасположении к нему всех второстепенных правительств, не может быть осуществлено иначе, как революционными средствами. Стало быть, напрасно и думать, чтобы прусское правительство взялось за дело, противное всем его принципам. Но, говорят, для прусского правительства это дело выгодно, потому что обещает ему чрезвычайное увеличение могущества. Теперь Пруссия располагает только собственными силами, — силами 17.000.000 своих подданных; по превращении Германии в одно государство Пруссия располагала бы силами, по крайней мере, 35.000.000 немецкого населения и, занимая центральное положение в Европе, стала бы сильнейшим государством западного материка. Правда, перспектива эта была бы очень соблазнительна, если бы, соединив Германию в одно государство, прусское правительство могло надеяться быть к нему точно в таком же отношении, как теперь находится к населению своих областей. Известно, что конституционная форма правления в Пруссии остается пока еще только формою, не имеющею действительного значения. Но почти все земли западной Германии уже привыкли к свободным учреждениям; если бы их представители вошли в парламент, с которым имеет дело прусское министерство, они внесли бы в парламент истинно-конституционный дух, ныне еще неизвестный большинству прусских депутатов. Нынешнее полновластие прусского правительства исчезло бы. Что же за радость ему жертвовать своими правами, добровольно снисходить на степень какого-нибудь английского правительства? Лучше управлять небольшою державою, но чувствовать себя в ней полным господином, нежели называться главою великого государства, но зависеть от парламента, зависеть от журналистов, адвокатов, учителей, купцов и тому подобной «сволочи». Кто захочет добровольно променять положение господина на положение слуги? Таков простой взгляд на вопрос о немецком единстве; скажите же, какого успеха могут ожидать люди, обращающиеся теперь к немецким правительствам с просьбою столь странною? По нашему мнению, пока движение в пользу немецкого единства будет сохранять свой нынешний характер, оно останется не более как патриотически-либеральным пустословием⁶.